

DOI 10.35775/PSI.2026.126.2.003

УДК. 321.1

И.С. ЖДАНОВ

аспирант, Среднерусский институт управления – филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»,
Россия, г. Орел

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ В БРЕТАНИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Статья рассматривает взаимосвязь национального менталитета, региональной идентичности и этнополитического регионализма на материале Бретани через сопоставление теоретических подходов к объяснению формирования и политизации коллективных идентификаций. Исходная установка состоит в том, что разные исследовательские традиции по-разному описывают механизмы воспроизводства идентичности и условия, при которых культурные различия становятся политически значимыми. Цель статьи – показать аналитические возможности и ограничения ключевых теоретических оптик и предложить модель, позволяющую переводить их положения в процедуру эмпирического анализа регионального кейса. Метод исследования – теоретико-сопоставительный анализ подходов к идентичности и политизации (институциональные и конструктивистские объяснения, критика «группизма» и событийная актуализация категорий, инструментальные модели выбора стратегий), дополненный иллюстрацией на материалах по Бретани. В результате формулируется логика операционализации, которая задает сопоставимый язык описания для разных теоретических рамок и позволяет увязать наблюдаемые проявления региональности/идентичности с формами политической артикуляции этнополитического регионализма. Сделан вывод о продуктивности сочетания сравнительной теоретической перспективы и процедурной модели операционализации для анализа региональных движений в современной Европе на кейсе Бретани.

Ключевые слова: национальный менталитет, региональная идентичность, этнополитический регионализм, теории идентичности, политизация, конструктивизм, «групповость», рациональный выбор, операционализация, Бретань.

Введение. В исследованиях региональной идентичности исходной методологической задачей является различение трех уровней. Первый уровень связан с региональностью как фактом пространственно-культурной дифференциации. Второй уровень связан с региональной идентичностью как устойчивыми формами самоописания и распознавания пространства. Третий уровень связан

с этнополитическим регионализмом как политической артикуляцией этих различий.

Под региональностью в статье понимается совокупность устойчивых различий, закрепленных в символических репертуарах, институтах и практиках повседневности, включая язык, обрядность, локальные каналы коммуникации и региональные организации. Региональность в этом значении описывает воспроизводимый социальный порядок регионального уровня. В европейском контексте региональные различия часто наблюдаются, прежде всего, в формах памяти, языка и ритуала и могут воспроизводиться длительное время без политизации. Вместе с тем региональность не ограничивается культурно-символическими различиями и может приобретать политическую форму при переводе символических и институциональных ресурсов в коллективное действие. Это требует отдельного объяснения условий актуализации региональных категорий.

Институциональный подход Антти Пааси. В рамках современного междисциплинарного исследования региональной идентичности особое место занимает концепция институционализации региона, разработанная финским географом Антти Пааси. В отличие от примордиалистских и эссенциалистских интерпретаций, трактующих регион как данность, Пааси последовательно рассматривает регион как результат исторического и социального процесса, в ходе которого пространственные формы, символы и институты приобретают устойчивость и воспроизводятся в практиках и общественном сознании. Регион, по мнению Пааси, не предшествует социальной практике, а формируется и закрепляется в ней, что принципиально важно для анализа политической значимости региональной идентичности.

Центральным понятием в его теоретической конструкции выступает институционализация региона, понимаемая как процесс, в ходе которого определенный уровень пространственной организации становится признанной социальной реальностью и включается в различные сферы коллективного действия. Пааси подчеркивает, что институционализация не является разовым актом, а представляет собой длительный и воспроизводимый процесс, в котором регион «утверждается» одновременно в символическом, институциональном и когнитивном измерениях [15]. Таким образом, региональная идентичность не существует вне институциональных форм, через которые она поддерживается и актуализируется.

Для аналитических целей Пааси выделяет четыре взаимосвязанных аспекта институционализации региона: формирование территориальных границ, символическое оформление региона, институциональное закрепление и формирование пространственного сознания. Территориальные границы задают рамку различия «внутреннего» и «внешнего», однако сами по себе не порождают идентичности. Символическая форма региона складывается через наименования, исторические нарративы, культурные коды и визуальные образы, которые придают пространству социальный смысл. Институциональный аспект связан с деятельностью организаций и структур, действующих в региональных рамках

и воспроизводящих регион как социальную реальность. Наконец, пространственное сознание отражает то, каким образом регион присутствует в ментальных картах населения и становится объектом идентификации [14].

Существенным элементом концепции Пааси является различие между идентичностью региона и региональным сознанием. Под идентичностью региона он понимает совокупность символических и институциональных характеристик, посредством которых регион существует в общественном пространстве, включая научные классификации, административные рамки и культурные репрезентации. Региональное сознание, в свою очередь, относится к процессу идентификации людей с определенными практиками, символами и дискурсами, связанными с данным регионом [14]. Это различие позволяет избежать редукции региональной идентичности к субъективному чувству принадлежности и рассматривать ее как результат взаимодействия институтов, дискурсов и социальных практик.

Особое внимание Пааси уделяет политическому измерению региональной идентичности. Он подчеркивает, что интерпретации регионов и региональных идентичностей неизбежно носят политический характер, поскольку связаны с вопросами включения и исключения, распределения ресурсов и символического признания. Региональные нарративы, символы и образы используются в различных контекстах для поддержания социальных границ и воспроизводства коллективных различий, при этом их значение не является фиксированным и может меняться в зависимости от институциональных условий и исторической ситуации [13].

Таким образом, концепция Антти Пааси позволяет рассматривать региональную идентичность как динамическое образование, формируемое в ходе институционализации региона и воспроизводимое через совокупность символических, организационных и когнитивных механизмов. Такой подход создает теоретические основания для анализа роли локальных институтов, включая религиозные структуры, в процессах формирования и поддержания региональной идентичности, а также для объяснения того, каким образом одни и те же символы и практики могут приобретать различное политическое значение в зависимости от конкретного исторического и институционального контекста.

Согласно логике А. Пааси эмпирический фокус смещается к тому, как регион становится воспроизводимым через устойчивые правила, процедуры и организации публичного управления. На материале Бретани этот тезис можно раскрыть через институциональное оформление культурно-языковой политики. В качестве наблюдаемых признаков выступают появление специализированных органов и экспертной инфраструктуры, закрепление направлений действий в регулярных программных документах, а также формализация распределения ответственности между уровнями власти.

Ранним маркером публичного признания культурной специфики является Культурная хартия Бретани 1977 г., подписанная государством и территориальными коллективами. Документ задает основу для последующего развертывания

мер в сфере культуры и языка [7]. В дальнейшем языковая политика получает устойчивую административную организацию через создание специализированного публичного оператора. Региональная счетная палата фиксирует учреждение Office public de la langue bretonne в 2010 г. в форме ЕРСС, его компетенции и состав учредителей, включая региональные и государственные структуры. Это позволяет использовать данный случай как эмпирический признак административной специализации по культурно-языковому направлению [6].

Бенедикт Андерсон и концепция «Воображаемых сообществ». В рамках исследования национальной и региональной идентичности особое место занимает концепция «воображаемых сообществ». Отправной точкой этого подхода является отказ от трактовки нации как объективной или «естественной» социальной сущности. Бенедикт Андерсон последовательно утверждает, что нация существует прежде всего как форма коллективного воображения, поддерживаемая через институционализированные практики коммуникации и символического воспроизводства. В программной формулировке он определяет нацию как «воображаемое политическое сообщество – воображаемое как по своей природе ограниченное, так и суверенное» [1. С. 6].

Ключевым для анализа является то, что «воображаемость» у Андерсона не означает фиктивность или иллюзорность. Напротив, речь идет о специфическом способе социального знания, при котором члены сообщества «никогда не узнают большинства своих сограждан, не встретят их и даже не услышат о них, но в умах каждого из них живет образ их общности» [1. С. 6]. Таким образом, идентичность конституируется не через непосредственное взаимодействие, а через устойчивые медиаторы – язык, ритуал, символ, институционально закрепленные формы памяти. Это положение принципиально важно для анализа региональных идентичностей, где принадлежность часто воспроизводится через культурные и религиозные формы, не обязательно переходящие в массовое политическое действие.

При этом Андерсон избегает функционалистского редукционизма: воображаемые сообщества не навязываются сверху по умолчанию, а воспроизводятся через практики, которые признаются легитимными и значимыми самими участниками. Он подчеркивает, что устойчивость идентичности зависит от того, насколько предлагаемые символы и нарративы «укоренены в повседневном опыте» и институционально поддержаны [1. С. 36–38]. Это позволяет интерпретировать идентичность как потенциальный политический ресурс, который может оставаться латентным либо актуализироваться в зависимости от исторического и институционального контекста.

Важным следствием андерсоновского подхода является аналитическое разделение между существованием идентичности и ее политической артикуляцией. Андерсон показывает, что воображаемое сообщество может длительное время сохраняться в «культурном» или «ритуальном» измерении, не переходя в открытую политическую форму. Политизация идентичности, таким образом, не является автоматическим следствием ее наличия, а требует специфических

условий, при которых символическая принадлежность начинает восприниматься как основа коллективного действия и легитимации интересов [1. С. 65-68].

Андерсоновская «воображаемость» применительно к региональному уровню может быть операционализирована через показатели, фиксирующие воспроизводство образа общности в масштабах, выходящих за пределы непосредственных (лицом к лицу) связей. В исходной постановке Б. Андерсона это означает, что общность существует как «образ общности» в сознании участников, несмотря на невозможность личного знания «большинства сочленов». Отсюда эмпирически релевантны те каналы, которые делают этот образ регулярным и массово разделяемым: публичная коммуникация (включая медиапотребление и цифровые практики), школьная инфраструктура как повседневный механизм социализации и распространенные формы самоописания, позволяющие наблюдать, как люди соотносят региональный и национальный уровни [1. С. 6-7].

На материале Бретани эти индикаторы могут быть операционализированы на данных социолингвистического обследования ТМО Régions, которое одновременно измеряет а) практики и ожидания в сфере публичной коммуникации на региональных языках и б) самоописание в координатах «бретонский/французский». Во-первых, как индикатор охвата каналов публичной коммуникации могут использоваться показатели поддержки расширения присутствия бретонского языка в медиа и в школе: 55% респондентов высказываются за «больше передач на бретонском на радио и телевидении», 73% – за «больше преподавания бретонского в школах» (вопросы о поддержке «plus de langue»). Во-вторых, школьная инфраструктура операционализируется через показатели спроса на преподавание и через данные о роли школы в освоении языка в молодых возрастных когортах (в обследовании отдельно фиксируется, что для бретонского обучение в школе становится ключевым каналом освоения у молодежи). В-третьих, наличие массово разделяемого образа общности может быть зафиксировано через распределение ответов на вопрос «Breton? Français?»: опрос показывает доли позиций от «только французский» до «только бретонский», включая доминирующую категорию «столько же французский, сколько бретонский» (38%), а также промежуточные варианты «больше французский, чем бретонский» (17%) и «больше бретонский, чем французский» (14%). В совокупности эти показатели позволяют связать андерсоновскую постановку вопроса с наблюдаемыми данными: воспроизводство «образа общности» обеспечивается регулярными институционально поддерживаемыми каналами коммуникации и образования, а также массовыми схемами самоописания, а не прямым знанием участников друг друга [17].

«Антигруппизм» Роджерса Брубейкера. В современной теории идентичности одну из наиболее влиятельных критических позиций занимает подход Роджерса Брубейкера, направленный против «группизма» (groupism) – тенденции рассматривать этнические, национальные или региональные группы как объективно существующие, внутренне однородные и устойчивые социальные сущности [4]. Брубейкер последовательно настаивает на том, что «группы»

не должны приниматься исследователем как данность анализа, а сами нуждаются в объяснении как результат определенных социальных и политических процессов. В программной формулировке он пишет: «Группизм — это тенденция рассматривать этнические группы, нации и расы как субстанциальные сущности, как реально существующие акторы» [5. С. 8].

Отправной точкой его подхода является принципиальное различие между категориями практики и категориями анализа. Этничность, нация или регион, по мнению Брубейкера, существуют прежде всего как категории, используемые самими социальными акторами — в политике, праве, повседневной коммуникации, — но это не означает, что исследователь обязан воспроизводить эти категории как аналитически целостные объекты. Он подчеркивает: «То, что люди говорят и делают **во имя** групп, не означает, что сами группы существуют как согласованные коллективные субъекты» [5. С. 10-11].

Вместо анализа «групп» Брубейкер предлагает сосредоточиться на процессах группирования (group-making), то есть на динамике, в рамках которой категории принадлежности приобретают социальную и политическую значимость. Он вводит аналитический сдвиг от субстанций к процессам, от коллективных акторов к полям взаимодействия, в которых идентичность может быть активирована, институционализована или, напротив, оставаться латентной. В этом контексте этничность определяется им как «практическая категория, эвристическая рамка, форма социального классифицирования, а не как группа или сущность» [5. С. 14].

Центральным элементом его подхода является концепция «событийной» и «контекстуальной» актуализации идентичности. Брубейкер подчеркивает, что принадлежность не является постоянно активным состоянием, а «становится значимой лишь в определенных ситуациях, в ответ на конкретные стимулы, конфликты или институциональные возможности» [5. С. 19]. Тем самым он принципиально расходится с примордиалистскими и эссенциалистскими трактовками идентичности, а также с версиями конструктивизма, склонными к гиперобъективации «дискурсов».

Особое внимание Брубейкер уделяет роли институтов и политических предпринимателей в процессе кристаллизации идентичности. Он показывает, что именно институциональные рамки — государственная политика, правовые категории, образовательные и религиозные структуры — задают условия, при которых та или иная форма принадлежности может быть признана, артикулирована и использована. «Институты не просто отражают существующие идентичности; они участвуют в их формировании, стабилизации и иерархизации» [5. С. 62]. Однако даже в этом случае результат не предзадан: институциональные усилия могут как усилить групповую солидарность, так и остаться без эффекта.

Принципиально важным для политического анализа является отказ Брубейкера от телеологического понимания идентичности. Он подчеркивает, что наличие этнических или региональных категорий не ведет автоматически к политической мобилизации, коллективному действию или формированию

устойчивых движений. «Политическая солидарность – это достижение, а не следствие культурной близости» [5. С. 77]. Таким образом, идентичность рассматривается как потенциальный ресурс, который может быть активирован, но может и не получить политического выражения.

В качестве эмпирических признаков «групповости как события» в данном случае могут использоваться, во-первых, масштаб мобилизации, фиксируемый через количество подписей и вовлеченность. Во-вторых, перевод требования из символического регистра в формализованные действия, направленные на запуск предусмотренных законом процедур. В-третьих, динамика интенсивности категоризации, то есть изменение частоты и публичной значимости противопоставлений типа «мы/регион» до, во время и после данного эпизода.

На материале Бретани такая событийная групповость может быть эмпирически показана на кампании за изменение административной конфигурации, связанной с «воссоединением» и присоединением департамента Луара-Атлантик (Loire-Atlantique) к региону Бретань (rattachement Loire-Atlantique, присоединение Луары-Атлантик). В парламентском документе указано, что петиция 2018 г., получившая официальный статус, собрала 105 000 подписей, то есть «более 10% электората» департамента, и использовалась как основание требования консультации населения [3]. Этот же эпизод получает продолжение в правовом поле. В материалах административной юстиции фиксируется, что инициаторы петиции в конце 2018 г. требовали внесения вопроса о консультации в повестку департаментского совета, ссылаясь на 105 000 подписей, и оспаривали отказ в судебном порядке [8]. В качестве эмпирических признаков «групповости как события» в данном случае могут использоваться, во-первых, масштаб мобилизации, фиксируемый через количество подписей и вовлеченность. Во-вторых, перевод требования из символического регистра в формализованные действия, направленные на запуск предусмотренных законом процедур. В-третьих, динамика интенсивности категоризации, то есть изменение частоты и публичной значимости противопоставлений типа «мы/регион» до, во время и после данного эпизода.

Дэвид Лейтин и теория рационального выбора. В теории идентичности и этнополитики подход Дэвида Лэйтина занимает особое место благодаря последовательному соединению конструктивистского понимания идентичности с аналитическим аппаратом теории рационального выбора. В отличие от культуристских и эссенциалистских трактовок, Лэйтин исходит из того, что идентичность не является ни фиксированной сущностью, ни исключительно дискурсивным эффектом, а формируется в процессе стратегического выбора акторов в условиях институциональных ограничений. Он прямо формулирует этот тезис, отмечая, что «идентичности не предшествуют действию; они формируются и стабилизируются через повторяющиеся стратегии поведения» [11. С. 12].

Ключевым элементом его концепции является представление об идентичности как о результате рациональной адаптации к политической и социальной

среде. Лэйтин показывает, что акторы – индивидуальные и коллективные – выбирают те формы культурной и языковой принадлежности, которые повышают их шансы на социальное продвижение, политическую защиту или доступ к ресурсам. В этом смысле идентичность выступает не столько выражением «подлинного» культурного ядра, сколько «равновесным исходом стратегического взаимодействия» [11. С. 19].

В отличие от инструментализма в узком смысле, Лэйтин не сводит идентичность к сознательной манипуляции. Он подчеркивает, что выбор идентичности осуществляется в условиях неопределенности и ограниченной рациональности, а потому со временем приобретает характер рутины и нормы. «Рациональные стратегии, повторяемые на протяжении времени, превращаются в привычные формы поведения, которые затем воспринимаются как естественные и самоочевидные» [11. С. 23]. Таким образом, идентичность может выглядеть устойчивой и «культурной», хотя ее происхождение связано с прагматическими расчетами.

Особое внимание Лэйтин уделяет роли институтов в закреплении идентичности. Государственная политика, образовательные системы, религиозные организации и языковые режимы создают структуру стимулов, в рамках которой одни формы принадлежности становятся выгодными, а другие – затратными. Он подчеркивает, что «институциональные правила трансформируют культурные различия в политически значимые категории» [11. С. 75], но при этом не гарантируют автоматической мобилизации. Результат зависит от того, как акторы оценивают соотношение выгод и издержек в конкретной ситуации.

Лэйтин также подчеркивает контекстуальный характер политизации идентичности. Он показывает, что идентичность становится политически релевантной не сама по себе, а в ситуациях изменения институциональной среды – кризиса легитимности, трансформации режимов, перераспределения ресурсов. «Политизация идентичности – это не следствие культурного различия, а результат изменения стратегических ожиданий» [11. С. 34]. Тем самым он отказывается от любых телеологических схем, связывающих наличие идентичности с неизбежным политическим конфликтом.

Бретонская принадлежность в таком ракурсе рассматривается как потенциальный ресурс, который может быть актуализирован, нейтрализован или переведен в культурную форму в зависимости от институциональных условий, уровня политических рисков и ожидаемых выгод. В логике теории рационального выбора коллективная мобилизация трактуется как результат сопоставления ожидаемых выгод и издержек участия при заданных институциональных правилах. Классическая проблема состоит в том, что производство публичного результата создает стимулы к «безбилетничеству», поэтому коллективное действие не следует автоматически из наличия общих интересов [13].

На материале Бретани этот механизм можно проиллюстрировать на эпизоде протестов «Боннэ руж» 2013–2014 гг., связанных с введением и последующей приостановкой налога на грузовые транспортные средства. Счетная палата фиксирует, что внедрение налога, первоначально запланированное на октябрь 2013 г.,

было отложено и к февралю 2014 г. [9] С точки зрения теории рационального выбора можно выделить два аспекта. Во-первых, выбор формы действия, снижающей индивидуальные пороги участия, в виде массовой протестной кампании против конкретного регуляторного решения. Во-вторых, переход от уличной мобилизации к формализованным процедурам и переговорам, что выражено в запуске парламентского расследования по контракту и механизму реализации налоговой политики, включая создание комиссии, публичные слушания и итоговый отчет [18]. В совокупности данный эпизод позволяет показать, как издержки регуляторного решения переводятся в коллективную стратегию, а ее результативность зависит от наличия институциональных каналов, через которые ожидаемый эффект соотносится с затратами участия.

Парадигма этнополитического ароморфоза. Теория рационального выбора позволяет описывать выбор стратегий артикуляции в заданной институциональной среде, однако при таком позиционировании возникает задача зафиксировать не только то, как акторы действуют в конкретных эпизодах, но и то, к какому типу долгосрочного результата ведет накопление этих адаптаций. Эту функцию выполняет парадигма этнополитического ароморфоза Д.Н. Нечаева и А.Е. Волковой, где этнополитический ароморфоз определяется как «процесс трансформации этнических идентичностей» как в форме эволюционных изменений, включая идиоадаптацию подчиненных групп доминирующим, так и в форме радикальных трансформаций через «трансэтнические переходы (транзиты)». В рамках этой же парадигмы выделяется негативный исход, «регрессивные изменения, или катаморфоз», понимаемый как «этнополитическая дегенерация» подчиненных групп [2].

Концептуальное значение этой рамки состоит в том, что она предлагает типологию траекторий, включая идиоадаптацию, катаморфоз и гибридную модель, как набор исходов, сопоставимый с эмпирическими рядами и позволяющий обсуждать направленность трансформации форм идентификации в длительном времени. Содержательно и методологически авторы обосновывают парадигму через объединение нескольких оснований. Они указывают, что при ее разработке опирались на примордиализм и конструктивизм, включая Андерсона и Брубейкера, на эволюционную теорию и понятие «ароморфоз», а также на концепты этнизации политики и политизации этничности, «неурегулированных идентичностей» и трансэтнических переходов [2. С. 145]. Внутри парадигмы вводится «этнополитический выбор» для подчиненных групп. Он описывается как выбор между «эластичностью» и трансэтническим переходом в гражданскую идентичность либо принятием идентичности титульной нации, с одной стороны, и сохранением прежней этнической идентичности, и выстраиванием легального сопротивления процессу «этнополитического аншлюса», с другой стороны [2. С. 168]. Для операционализации важно уточнение авторов о том, что «результативность степени и эффекта воздействия этнополитического ароморфоза... можно проверить только в долгосрочной перспективе», то есть речь

идет о накопленных изменениях и их направленности, а не об оценке разовых эпизодов [2. С. 168].

В случае Бретани операционализация этой рамки может быть построена как эмпирическая проверка того, какая из трех моделей ароморфоза лучше описывает долгосрочную динамику форм идентификации и репертуара публичной артикуляции при стабильной институциональной рамке Французской Республики. Минимальный набор признаков задается логикой самих моделей. Для идиоадаптации это преобладание институционально совместимых форм артикуляции, включая культурно-символические и политико-административные форматы, при отсутствии устойчивого перехода к высококонфликтным стратегиям и при сохранении воспроизводимости региональной специфики в допустимых регистрах. Для катаморфоза это последовательное ослабление воспроизводимости региональной специфики в практиках, институтах и самоописании и доминирование траекторий трансэтнического транзита как исхода. Для гибридного режима это сочетание устойчивых низкоконтликтных форм артикуляции с эпизодами усиления конфликтности и политизации под воздействием внешних стимулов или изменений институциональных возможностей без закрепления радикального курса как новой нормы.

Результаты. Итоговая логика работы сводится к следующему. Региональная идентичность и этнополитический регионализм не выводятся из «наличия группы» и не описываются одной теоретической рамкой, поэтому требуется разведение механизмов и уровней анализа. Институциональный подход позволяет фиксировать, как регион воспроизводится через правила и органы публичного управления. Перспектива Б. Андерсона позволяет описывать, как поддерживается образ общности через регулярные каналы коммуникации и социализации. Подход Р. Брубейкера позволяет анализировать, как «групповость» возникает событийно и контекстно. Теория рационального выбора позволяет описывать, как при заданных ограничениях выбираются и воспроизводятся формы публичной артикуляции. Парадигма этнополитического ароморфоза позволяет связать эти процессы с различными долгосрочными траекториями трансформации форм идентификации.

Привязка к материалу Бретани задает набор наблюдаемых индикаторов, включающий институциональные каналы и документы, коммуникативные и образовательные инфраструктуры, данные самоописания, а также динамику мобилизационных эпизодов. На этой основе возможно сопоставление конкурирующих объяснений и различение не только факта наличия региональности, но и типа ее политической релевантности на длительной дистанции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001.

2. **Нечаев Д.Н., Волкова А.Е.** Парадигма этнополитического ароморфоза в нациестроительстве новых государств // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18. № 6.
3. Assemblée nationale (France). Proposition de loi n° 1163 rectifié relative à la consultation des habitants d'un département sur le choix de leur région d'appartenance // <https://www.assemblee-nationale.fr/16/pdf/propositions/pion1163.pdf>.
4. **Brubaker R.** Ethnicity without groups // Archives européennes de sociologie. 2002. Vol. 43, № 2 // https://brubaker.scholar.ss.ucla.edu/wp-content/uploads/sites/6/2020/08/Ethnicity_Without_Groups.pdf.
5. **Brubaker R.** Ethnicity without Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.
6. Chambre régionale des comptes Bretagne. L'Office public de la langue bretonne (OPLB). Rapport d'observations définitives // <https://www.ccomptes.fr/sites/default/files/2023-10/BRR2021-02.pdf>.
7. Charte culturelle bretonne (1977) // <https://abp.bzh/pdfs/5/51330-chartepdf.pdf>.
8. Cour administrative d'appel de Nantes. Pétition en vue d'enclencher la procédure de rattachement du département de la Loire-Atlantique à la région Bretagne // <https://nantes.cour-administrative-appel.fr/decisions-de-justice/dernieres-decisions/petition-en-vue-d-enclencher-la-procedure-de-rattachement-du-departement-de-la-loire-atlantique-a-la-region-bretagne>.
9. Cour des comptes. Rapport public annuel 2014 – février 2014. Tome I, vol. 1-2 (les observations). 2014. (о «taxe poids-lourds / écotaxe» и ее «suspension») // https://www.ccomptes.fr/sites/default/files/EzPublish/RPA_2014_Tome_I_vol_1_2.pdf.
10. **Laitin David D.** Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1998.
11. Ministère de la Culture et de la Communication. Le breton (Langues et cités) // https://www.culture.gouv.fr/content/download/93552/file/lc_17-breton_def.pdf.
12. **Olson M.** The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.
13. **Paasi A.** (2009). The resurgence of the region and regional identity: theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe. Political Geography, 28(3).
14. **Paasi A.** (2002). Place and region: regional worlds and words. Progress in Human Geography, 26(6).
15. **Paasi A.** The institutionalization of regions: a theoretical framework for understanding the emergence of regions and the constitution of regional identity. Fennia, 164(1), 1986.
16. Région Bretagne. Plan de réappropriation des langues de Bretagne 2024-2027 // <https://www.bretagne.bzh/app/uploads/sites/8/2023/12/>

Avis-du-CESER-sur-le-Plan-de-reappropriation-des-langues-de-Bretagne-session-des-4-5.12.23.pdf.

17. Région Bretagne; TMO Régions. Enquête sociolinguistique sur le breton et le gallo: Les langues de Bretagne en 2018. Synthèse [PDF]. Rennes, 2018 // https://www.chubri-galo.bzh/docs/files/actualites/2018_anee/2018-10-TMO-Langues-de-bretagne-Synthese.pdf.
18. Sénat (France). Le contrat Écomouv': un contrat exceptionnel. Rapport n° 543 (2013-2014), tome I // <https://www.senat.fr/rap/r13-543-1/r13-543-11.pdf>.

I.S. ZHDANOV

Postgraduate student,

Central Russian Institute of Management – branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Oryol, Russia

NATIONAL MENTALITY AND ETHNOPOLITICAL REGIONALISM IN BRITTANY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

The article examines the relationship between national mentality, regional identity, and ethnopolitical regionalism using the case of Brittany through a comparative assessment of theoretical approaches to the formation and politicization of collective identifications. The starting point is that different research traditions explain the reproduction of identity and the conditions under which cultural differences become politically salient in different ways. The aim is to demonstrate the analytical capacities and limitations of major theoretical «optics» and to propose an operationalization model that translates theoretical propositions into an empirical procedure for a regional case study. The method combines a comparative theoretical analysis of identity and politicization frameworks (institutional and constructivist accounts, the critique of «groupism» and event-contingent categorical activation, and instrumental models of strategic choice) with illustrative material from Brittany. As a result, the paper formulates an operationalization logic that provides a comparable descriptive language across competing theories and links observable manifestations of regionality/identity to forms of political articulation characteristic of ethnopolitical regionalism. The conclusion argues that combining comparative theory with an explicit operationalization procedure strengthens empirical analysis of regional movements in contemporary Europe, as demonstrated by the Brittany case.

Key words: national mentality, regional identity, ethnopolitical regionalism, identity theories, politicization, constructivism, groupness, rational choice, operationalization, Brittany.